

Тожество самости и ἀρετή в «Апологии Сократа»

Л. Г. Кришталева

Поведение Сократа на суде комментаторы всегда трактуют с некоторыми оговорками. А.Ф. Лосев отмечает «несколько необычный для традиционного образа Сократа гордый и самоуверенный тон его выступления» (1, 688). «Самоуверенность» Сократа Гегель объясняет как революционность зарождающейся субъективности, противопоставляющей себя полису: «Сам афинский народ вступил в период образования, когда единичное сознание отделяется, как самостоятельное, от всеобщего духа и становится для себя» (2, 87). Конечно, пафос любого исследования заключается в том, чтобы наконец-то выяснить, что же произошло на самом деле. И наше - не исключение.

Метод, которым будет проведено это маленькое исследование, замечательно описывают слова М.М. Бахтина: «О чужом слове можно говорить только с помощью самого же чужого слова, правда, внося в него свои интенции и по-своему освещая его контекстом». Этой мысли Бахтина соответствует буквальный смысл слова «метод»: ὁδὸς μετὰ - «следование за». Бахтин предостерегает: «Нельзя понимать понимание как перевод с чужого языка на свой язык» (цит. по: 3, с.87). Чужое слово нужно рассматривать как целое, пытаясь исчерпать возможность понимания изнутри него. Причем на определенном этапе и то, как понимать, т.е. метод понимания, начинает «вычитываться» из текста. Этим объясняется минимальное использование в работе философских понятий, которые были бы характерны для традиционного исследования. Вместо них читатель встретит «обычные» слова - «ближайшее», «следование», «соседство»... Они не нагружены специальными значениями, накопленными за всю историю философии, а значит, не мешают прорасти тем смыслам, которые таятся в первоисточнике.

Несомненно, некоторые важные темы были лишь затронуты в этой небольшой работе, что сказалось на точности формулировок. Для их раскрытия потребуется привлечь другие диалоги Платона и тексты античности, потребуются другие исследования.

Защита Сократа против обвинений новых обвинителей

Защита против обвинения в развращении молодежи

Сократ делит свою защиту на две части. Эти две апологии весьма отличаются друг от друга. Сначала философ защищается от «обвинений, которым подвергался раньше», а уж потом «против теперешних обвинителей» (1, с. 71, 18 а)¹. Прежние обвинители для Сократа страшнее, чем молодой Мелет, подавший жалобу в суд, но мы начнем со второй апологии, которая многим исследователям кажется малосодержательной и даже софистической. А.Ф. Лосев в критических замечаниях к тексту говорит: «Что касается логического аспекта «Апологии», то здесь автор ее далеко не везде на высоте [...] Так, у Сократа одним из основных аргументов против какого-либо утверждения часто выступает здесь только отрицание этого последнего [...]. В ответ на обвинение в развращении молодежи платоновский Сократ довольно беспомощно говорит своим обвинителям: а сами вы никого не развращали?» (1, с. 689).

Если в первой части апологии философ рассказывает о пророчестве, о своем служении богу, то во второй с помощью логических умозаключений показывает, что обвинения Мелета несостоятельны и легковесны: «Человек этот [...] подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству [...] Похоже, что он придумал загадку и пробует: заметит ли Сократ, наш мудрец, что я шучу и противоречу сам себе, или мне удастся провести и его, и прочих слушателей?» (26 е).

Обвинение Мелета состоит из двух частей:

¹ Далее в ссылках на "Апологию Сократа" указывается только пагинация.

1. Сократ развращает молодых людей;
2. и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамена (25 b).

Начнем по порядку – с обвинения в развращении. Последовательно задавая вопросы, Сократ добивается от обвинителя сомнительного утверждения, что все помогают, делают молодых людей лучше, и лишь один он портит (25 a). Вначале на вопрос, кто делает лучше, Мелет отвечает: законы. Но Сократ сразу поправляет его: не что, а кто.

Заметим, философ не спрашивает сразу: так ли – все граждане Афин делают лучше, один я порчу. Нет, Сократ предлагает Мелету последовательно, первыми называя судей (24 e):

- Что ты говоришь, Мелет! Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

- Как нельзя более.

- Все? Или одни способны, а другие нет?

- Все.

- [...] и какое множество людей, полезных для других!

По-гречески последние слова звучат более иронично, чем в русском переводе: καὶ πολλὴν ἀφθονίαν τῶν φελοούντων, «целая пропасть помощников». Помощников уже много, но Сократ продолжает: а слушающие, а члены Совета², а те, что участвуют в Народном собрании³, тоже делают юношей лучше? Мелет всякий раз подтверждает. Мудрец показывает, ἐπιδειξάμι (20 d, 24 e), на деле, τῷ ἔργῳ (17 b), что наглый обвинитель относится к той породе людей, которые заискивают перед представителями власти и суда, о чем не раз в апологии скажет Сократ (34 c).

Итак, Мелет лжет в угоду слушающим и судьям. Ложь портит молодежь, следовательно, Мелет подпадает под свое же обвинение, о чем и заявляет Сократ: «Впрочем, Мелет, ты достаточно показал, что никогда не заботился о юношах, и ясно обнаруживаешь свое равнодушие: тебе нет никакого дела до того самого, из-за чего ты привел меня в суд» (25 c). Значит ли это, что Мелет должен быть тут же обвинен? А суду, приняв во внимание ложь-порчу, необходимо привлечь Мелета к ответу? Важно, что еще в самом начале защиты Сократ выдвигает контр-обвинение, чтобы обратить взгляд суда в противоположную сторону: «[...] а я [...] утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было никакого дела; а что оно так, я постараюсь показать, ἐπιδειξάμι, это и вам» (24 e). Или другой вероятный исход: суд над Сократом должен быть прекращен в виду несостоятельности обвинения. Однако ни того, ни другого не происходит. Суд машины суда ничуть не сбивает это меняющее все обстоятельство – ложь Мелета.

Предостерегая дикастерион от ошибки, философ предлагает судьям смотреть на само справедливое, σκοπεῖν δίκαια: «Смотреть только на то, буду ли я говорить правду, δίκαια, или нет, в этом ведь и заключается долг, ἀρετή, судьи, долг же оратора – говорить правду» (18 a). В русском переводе ἀρετή передано словом «долг»⁴. Здесь задета важнейшая для античности проблема тождества доблести и самости, которую переводчик «перефразирует» в проблему тождества этики и онтологии, должного и бытия. Суд есть справедливый суд, а несправедливый суд судом не является. Справедливость – арете, доблесть суда, делающая его таковым, судом. «О, мужи судьи, - вас-то я по справедливости могу называть судьями», - обращается Сократ после вынесения приговора к тем, кто голосовал против несправедливого решения. Следовательно, остальных он

² "Члены Совета - присутствующие на суде "булевты", т.е. члены высшего органа власти в демократических Афинах" (1, с. 694, прим. 26).

³ "В Народном собрании могли принимать участие все граждане мужского пола, достигшие 20 лет" (1, с. 691, прим. 1).

⁴ В греческо-русском словаре А.Д. Вейсмана ἀρετή переводится как доблесть, добродетель, совершенство, превосходство, достоинство. В нашем тексте мы намеренно ограничились лишь первым.

вообще не считает судьями (40 а). В другом месте: «Если придешь в Аид, освободившись от так называемых судей, и найдешь там судей настоящих [...]» (41 а). Философ требует внимания суда к доблести-арете теми же словами, что и заботы о самости: «... не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом [...], не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе» (36 с). В этих высказываниях открывается пейзаж античной мысли - доблесть, самость, свое, утрата самости. В «Апологии» нет рассуждений философа, помогающих различить понятия, например, отделить «самость» от «своего», но есть поступки и движения мысли Сократа, которые позволяют нам сделать это.

Мудрец следует суду обязательством говорить только справедливое: «Ибо я верю, что то, что я буду говорить, - правда, δίκαια, и пусть никто из вас не ждет ничего другого» (17 с). Подобными уверениями в справедливости пестрит вся апология. Сократ просит извинения и позволения говорить на своем языке, языке чужака, т.е. как привык, первыми попавшимися словами, но считает: «Так и теперь я прошу у вас не более, чем справедливости, δίκαιον, как мне кажется, - позволить мне говорить по моему обычаю» (18 а). Философ не просто обещает говорить справедливое, но, сама возможность говорить санкционирована справедливым. Сократ оговаривает по части справедливости также последовательность защиты: «И вот правильно, δίκαιός εἶμι, [...] если сначала я буду защищаться против обвинений, которым подвергся раньше» (18 а). В других местах: «Вот это мне кажется правильно, δίκαια, и я сам постараюсь вам показать» (20 d) [...] «Мелет говорит, что я преступаю закон, ἄδικεῖν, [...] а я утверждаю, что преступает закон Мелет, а что оно так, я постараюсь показать это и вам» (24 с). Сократ, обращаясь к Мелету, требует: «Отвечай, добрейший, ведь и закон, νόμος, повелевает отвечать» (25 d). Прежде чем закончить апологию против Мелета, Сократ говорит: «Впрочем, о мужи афиняне, что я невиновен, οὐκ ἄδικῶ, в том, в чем меня обвиняет Мелет, это, мне кажется, не требует дальнейших доказательств, довольно будет и сказанного» (28 а). Еще: «Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю – даровый обед Пританее», εἰ οὖν δεῖ με κατὰ τὸ δίκαιον τῆς ἀξίας τιμάσθαι (37 а). «Ну так вот убежденный в том, что я не обижаю, ἄδικεῖν, ни одного человека, ни в коем случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначить себе наказание» (37 b). Итак, все, о чем говорит и что делает Сократ в дикастерионе, свойственно суду, «свое» для суда – справедливость, закон.

Защищающийся, отрицая обвинение прежних обвинителей (19 d), постоянно подкрепляет свою речь ссылкой на свидетелей. Показывая причину славы и клеветы, в свидетели Сократ призывает бога в Дельфах, в буквальном переводе, предоставляет, παρέξομαι (20 е). А то свидетельство, в свою очередь, подкрепляет другим – брата умершего Херефонта (21 а). Сократ предоставляет доказательства своей безупречной доблести, благодаря которой бессмысленно приводить его в суд ради наказания, и тем самым подтверждает истинность рассуждений о том, что не стоит ни о чем заботиться помимо доблести и бояться смерти. Доказательства эти всем известны. Первое - случай, когда, Сократ, оказавшись у власти, с риском для жизни отказался пойти против справедливости и закона (32 b). И второе - когда не подчинился приказанию тиранов. Позже все признали его несправедливым (32 с). Сократ готов также предоставить свидетелей незаконности обвинения Мелета: «У самих развращенных, пожалуй, еще может быть основание защищать меня, но у их родных, которые не развращены, у людей уже старых, какое может быть другое основание защищать меня, кроме прямой и справедливой уверенности, что Мелет лжет, а я говорю правду» (34 b). Значит, и по этой части судебного порядка Сократ совершенно обеспечен: есть свидетели против несправедливых обвинений. Характерная особенность этого суда заключается в том, что большинство присутствующих могут быть свидетелями (19 d, 33 е, 34 b). Наконец, в

пользу обвиняемого говорит и то, что за всю свою жизнь Сократ ни разу не был приведен в суд.

Защита против обвинения в безбожии

С первым обвинением Мелет потерпел полное поражение. Защищаясь против второго обвинения в безбожии, философ предлагает обвинителю выбрать:

- 1) «то ли, что некоторых богов я учу признавать, а следовательно, и сам признаю богов, так что я не совсем безбожник и не в этом мое преступление, а только я учу признавать не тех богов, которых признает город, а других, и в этом ты меня и обвиняешь [...];
- 2) или же ты утверждаешь, что я вообще не признаю богов, и не только сам не признаю, но и других этому научаю» (26 с).

Мелет отвечает: «Вот именно, я говорю, что ты вообще не признаешь богов». Как и в случае с «развращением юношей» Мелет выбирает более категоричное, так сказать, более обвиняющее обвинение. Сократу остается только констатировать противоречие, ибо в жалобе записано: «Богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знаменья» (24 с).

В обвинении, каким оно было вначале оглашено суду Сократом нет той двусмысленности, которую можно и нужно было бы выявить. Смысл второй части обвинения совершенно равен тому, что Сократ формулирует в первом тезисе, т.е. что он не безбожник. Смысл же второго тезиса никак не выводим из написанного в жалобе. Сократ предлагает Мелету два разных по силе обвинения и ссылается на непонимание: «Дело в том, что я не могу понять, что ты хочешь сказать [...]» (26 с). Получив от Мелета ответ, Сократ «забывает» о двусмысленности, которой и не было в обвинении, и заявляет, что Мелет противоречит сам себе. Таким образом, предлагая выбор, Сократ вновь дает Мелету возможность показать себя. Потерпев поражение с первым обвинением, Мелет хватается за придуманное Сократом тут же на месте обвинение в безбожии.

Мы не знаем, как бы защищался Сократ, если бы Мелет остался верен себе и выбрал предложенное первым. Мы не знаем, но это не мешает пониманию того, что есть, что произошло. Будь Мелет верен себе, может, и не привел бы Сократа в дикастерион...

Итак, Сократ уличает Мелета в противоречии. Меняя непонимание на понимание, Сократ следует своему обвинителю, т.е. он противоречит себе – ἄπιστός γ' εἶ, ὦ Μέλητε, καὶ τὰῦτα μέτρον, ὡς ἐμοὶ δοκεῖς σαυτῷ, (26 е). Перевод: «Это невероятно, Мелет, да, мне кажется, ты и сам этому не веришь». В данном случае смысл фразы хотелось бы уточнить. Мелет, будучи неверным, ненадежным не может поверить и самому себе. Фраза синтаксически имеет странный вид, поскольку ἄπιστός относится и к глаголу εἶ, и к глаголу δοκεῖς. В этом сложносочиненном предложении ἄπιστός разыгрывает оба свои значения: «неверный» и «не верящий». «Неверный ты есть, о Мелет, да и, как мне кажется, самому себе [не веришь]». Мелету, изменившему своим словам, теперь не на что опереться.

Обе части обвинения проваливаются. В первом случае Мелет загоняет себя в тупик абсурда, во втором – выхватывает у себя из-под ног единственную опору лжи - собственные слова. Сократ защищается против новых обвинителей, нападая, играючи. Он, следуя, не следует «шутнику»-Мелету. Философ и сам заявляет, что не очень серьезно относится к обвинителям (18 b, 28 b). Суть этой части защиты – не что иное, как дать возможность Мелету показать себя суду. Легкость и простота, точность и глубина имеют вид поверхностности и софистичности. Сократ умеет, имея дело с мелетовым (обвинением), иметь дело с самим Мелетом.

От обвинения в безбожии Сократ словно отделяется, добавляя в конце «довольно будет и сказанного» (28 а). Здесь он вовсе не говорит о себе самом, о своем благочестии, хотя в речи, следующей за апологией против Мелета, он будет многократно высказываться о служении богу. Следует предположить, что Сократу, посвятившему

служению всю жизнь, казалось недостойным демонстрировать благочестие перед ребячливой наглостью Мелета.

А.Ф. Лосев так оценивает речь философа: «Отвечая на обвинение в безбожии, платоновский Сократ тоже рассуждает весьма формально: если я безбожник, значит, я не вводил новые божества; а если я вводил новые божества, значит, я не безбожник» (1, с. 698). А Гомперц понимает защиту против Мелета несколько иначе: «Частью обвинителя забрасывают перекрестными вопросами и заставляют дать гораздо более широкую и потому более шаткую формулировку обвинения, частью ответ составляется из бездоказательных словесных и логических упражнений» (4, с. 62).

Обвинитель и обвинение ничтожны

Мелет не может ответить, кто делает молодых лучше, и Сократ указывает ему: «Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь, что сказать» (24 d). Буквально: «ничего не имеешь сказать», ἔχεις εἰπεῖν. Молчание обнаруживает совершенную беспомощность и неподготовленность к прениям. Иными словами, Мелет не думает, не заботится о том, в чем обвиняет Сократа. Единственное, на что хватает дальновидности обвинителей, - упредить суд, что Сократ «силен говорить», δεινὸς λέγειν (17 b). Поскольку это одно упреждение есть, а других нет, следует предположить, что на другое Мелета просто не хватило. Справедливость этого заключения подтверждают и другие факты. Мелет по ходу суда то и дело хватается за предлагаемые Сократом обвинения:

- Значит, я не признаю богами ни Солнце, ни Луну, как признают прочие люди? – предлагает Сократ.

- Право же так, о мужи судьи, потому что он утверждает, что Солнце – камень, а Луна – земля (26 d).

Философ тут же высмеивает обвинителя, ибо Мелет не знает, что эти мысли принадлежат Анаксагору. Как и первая, эта вторая попытка Мелета второпях спасти несправедливое обвинение проваливается.

Ситуация суда проясняется: слова Сократа о наглости, ребячестве Мелета, обвинение в том, что Мелет сам совершает несправедливое, - совершенно справедливы. «А я, о мужи афиняне, утверждаю, что преступает закон Мелет, потому что он шутит важными вещами и легкомысленно призывает людей на суд, делая вид, что он заботится и печалится о вещах, до которых ему никогда не было дела» (24 c). В другом месте: «Мне кажется, что человек этот большой наглец и озорник и что он подал на меня эту жалобу просто по наглости и озорству да еще по молодости лет» (26 c). Эти слова Сократа вовсе не риторика судебного агона. Обвинитель и обвинение ничтожны. Философ не защищается, а обвиняет. И все-таки он приходит на суд, хотя мог бы не являться («Критон», 45 e). Почему? Обвинители, заведшие дело, не важны, что дважды отмечает философ в начале и в конце защиты против них (18 b, 28 b). Но для Сократа, всегда заботившегося о городе, важно, что в афинском суде возможно такое! Для Сократа важен сам суд!

Сократ на деле показывает, что Мелет не заботится, но хуже того – развращает молодежь ложью. Сократ помогает Мелету проявить себя как лжеца. Но сам показ осуществляется на словах, с помощью логических умозаключений. Способ показа на первый взгляд кажется софистическим, бессодержательным. Ведомый вопросами Сократа обвинитель всякий раз оказывается в тупике лжи или невежества, в ситуации абсурда. То и дело мы слышим насмешку мудрого старика: «целая пропасть помощников» (24 e), неужели Мелет думает, судьи не знают, что еще Анаксагор (26 d)... Способ апологии тождественен способу обвинения. Сократ и Мелет имеют скрытое на деле. Мелет на деле лжец, а Сократ, провоцируя на словах, на деле показывает, что Мелет – лжец. Расхождение между двумя уровнями – «на словах» и «на деле» - вот то, что схоже в защите и в обвинении. Успех, необычайная простота и экономичность обеспечивается этим сходством, симметрией.

Трудно уловимым образом Сократ умеет следовать другому, нарушая его правила. С одной стороны, Сократ в суде нападает вместо того, чтобы защищаться, – нарушает. Философ обвиняет обвинителя: Мелет не только не заботится о молодых, на деле же портит, он еще и клеветает, приводя в суд невиновного. А с другой стороны, отвечая, Сократ следует. Философ не делает ничего того, что было бы невозможно в суде – говорит справедливое, предоставляет свидетелей и доказательства, защищается (он все-таки защищается, нападая). Внимание судей направлено в сторону обвиняемого, философ же себя полностью оправдывает и даже требует поощрения. Ибо, если виноват, говорит Сократ, то ненамеренно, а за это в суд не приводят (26 а). Таким образом, мы видим, как блестяще защищается Сократ, обвиняя, как умеет следовать другому, не следуя, оставаясь собой, делая свое дело.

Пророчество

Сократ становится наимудрейшим, благодаря пророчеству

«Никого нет мудрее» (21 а) - услышав это пророчество Пифии, Сократ задумался и решил пойти к одному из тех, кто считает себя мудрым. И вот что философ там претерпел, ἔλαθον (21 с, 22 а). Разговаривая с политиком, показалось Сократу, что этот муж кажется мудрым многим другим и особенно себе, не будучи таковым. Сократ сообщил политику, что он немудр, - и тот его возненавидел. Сократ поступил с политиком подобно тому, как с ним обошелся бог, известивший через пророчество, что Сократ – наимудрейший. Оказалось, политик мало того, что не мудр, но и не смог принять знание, что немудр. Тут-то Сократ и узнал, что он наимудрейший: «Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего в совершенстве не знаем, но он, не зная, думает, что что-то знает, а я, коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю» (21 d).

В этот момент, когда узнает, что мудрее, философ становится наимудрейшим⁵. Ибо Сократ, будучи тем, кто ничего в совершенстве не знает, и тем, кто знает, что не знает (из-за этого знания философ и не согласен с пророчеством), в результате исследования политика узнает о себе, что он тот, кто знает, что не знает. Т.е. с помощью пророчества Сократ становится тем, кто знает, что знает, что не знает. Он поднимается как бы еще на один уровень видения. Можно даже с неожиданной здесь «математической точностью» сказать, что философ в три раза мудрее политика.

Свой поход к политику Сократ называет претерпеванием. И действительно, совершенно непонятно, почему быть «на такую-то малость мудрее» (21 d) означает быть наимудрейшим, если не предположить, что Сократ, претерпевая непонимание и ненависть политика, вдруг стал другим благодаря этому знанию. Стал таким, который знает, что знает, что не знает. Этой «малости» не было до исследования, значит, и тогда, когда философ услышал пророчество. Следовательно, для подтверждения пророчества поход к политику был необходим не для того, чтобы Сократ просто сам убедился в том, что и так уже есть, а для того, чтобы он впервые стал наимудрейшим.

Сократ стал самим собой благодаря тому, что узнал. Загадочным образом знание, принадлежащее богу, другое, чем Сократ, - ближайшее Сократу, ибо делает его самим собой. Это знание о Сократе раньше, чем Сократ; ведь оно есть, когда он еще не стал наимудрейшим, в соответствии с аристотелевским «первое по природе – последнее для нас». Знание отдельно от Сократа и принадлежит богу. Знание таково, что, имея его, можно нечто сделать, изменить, совершить. Кстати, судя по тексту «Апологии», философ признает наличие знания лишь у ремесленников (22 d) и наездников (20 b). Наездник создает лошадь, ибо лошадь – это хорошая лошадь. Следовательно, знание есть знание

⁵ Словарь Фасмера указывает на этимологическую близость *gignèskw* и *g...gnomai*. "И.-е. *ǵen-* "знать", несомненно тождественно *ǵen-* "рождать/ся" и происходит из этого последнего" (5, 100).

арете. И знание божественного пророчества тоже создает, улучшает Сократа. Создает самость как арете. Вот пассаж, который легко можно сопоставлять с рассуждениями о «лошадности»: «Но ответь-ка мне: кажется ли тебе, что так же бывает и относительно лошадей, что улучшают их все, а портит кто-нибудь один? Или же совсем напротив, улучшать способен кто-нибудь один или очень немногие, именно знатоки верховой езды, а когда ухаживают за лошадьми и пользуются ими все, то портят их? Не бывает ли, Мелет, точно так же не только относительно лошадей, но и относительно всех других животных? Да уж само собою разумеется, согласны ли вы с Анитом на это или не согласны, потому что это было бы удивительное счастье для юношей, если бы их портил только один, остальные же приносили бы им пользу» (25 b).

Пророчество подтвердилось, и действительно оказалось, что он наимудрейший. Но зачем философу снова и снова надо идти искать исследования? Для того «чтобы прорицание оказывалось неопровергнутым» (22 a). А рядом противоположное – «чтобы на месте уличить себя в том, что я невежественнее» (22 b). Ответ заключается в *соседстве* этих двух высказываний. Пророчество истинно пока Сократ сомневается в себе, испытывает незнание других, а, узнав, что мудрее других, на короткий миг становится наимудрейшим. Ища исследования, Сократ ищет себя, ищет стать собою, тем, кто знает, что знает, что не знает. И наоборот, не искать исследования значит перестать сомневаться в себе, перестать быть собою.

Сократ проявляет самостоятельность

Чтобы стать наимудрейшим, Сократу необходимо было нечто претерпеть - самому, самостоятельно. Эта же самостоятельность проявляется в том, как философ принимает пророчество. Не так, что, выслушав, будто бы узнал. Но, колеблясь между тем, что богу не положено лгать (21 b), и тем, что не сознает себя мудрым, он обращается к исследованию. Итак, самостоятельность Сократу потребовалась дважды: чтобы сам претерпел, сам стал собою, и чтобы был самостоятелен к пророчеству. Когда Сократ сообщил политику, что немудр, тот отмахнулся и возненавидел философа. Это значит, что он, считая себя мудрым, легко бы принял слова о своей мудрости. С одной стороны, Сократ, проявляя самостоятельность, отдает всего себя пророчеству - свое время, силы, ум. Хотя, с другой стороны, если бы Сократ исходил только из самого себя, то еще в начале должен был отбросить его как неверное, ибо не признавал себя мудрым. Что интересно, пророчество действительно оказалось бы неистинным в этом случае. Самостоятельность философа в принятии, претерпевании, посвящении своего времени и жизни несовместима с самостоятельностью, когда бы он отбросил пророчество, считая его неистинным. Вновь мы видим, как неожиданно знание разводит «самость» и «свое».

Затруднение Сократа в разгадывании загадки бога; необходимость очиститься от своего, чтобы обратиться к другому

Что означает ситуация: Сократ, не признавая себя мудрым, при этом не отбрасывает пророчество, а ищет «что бы такое бог хотел сказать, и что это он подразумевает?» По-гречески говорится более определенно: τί ποτε λέγειν ὁ θεὸς καὶ τί ποτε αἰνίττεται; «что же говорит бог, и что же он загадывает» (21 b). Не соглашаясь с богом («ничего в совершенстве не знаю»), Сократ, тем не менее, пытается разгадать загадку бога, ищет внутри себя знание, за которое он мог бы быть назван наимудрейшим. Он исследует различные виды знаний, не находя ничего достойного. Уже хотя бы то, что он не знает, что такое смерть, не позволяет ему называть себя мудрым.

«Долго я недоумевал, что же это он хочет сказать», καὶ πολὺν μὴν χρόνον ἐπόρουν, τί ποτε λέγειν (21 b). Глагол ἀπορεῖν означает «нуждаться», «быть в затруднительном положении», «недоумевать», «не знать, что делать, сомневаться». Буквальнее это можно

было бы перевести «быть в безвыходном положении», поскольку слово ἀπορέω образовалось из отрицательной приставки α и того же корня, который присутствует в слове πόρος, «путь», «переход», «средство для выхода из затруднительной ситуации». Итак, Сократ испытывает нужду в том, что он мог бы представить в качестве подтверждения пророчества. Все свое, свое знание он оценивает как нужду, безвыходность, недоумение.

И он долго не мог найти пути, выхода из этой нужды, пока не обратился к исследованию⁶. Буквально - «потом с большим трудом обратился к некоторому такому исследованию его [пророчества]», ἔπειτα μόγις πάνυ ἐπὶ ζήτησιν αὐτοῦ τοιαύτην τινα ἐτραλόμην (12b). Слово ζήτησις употребляется здесь терминологически – Сократ всю жизнь провел, исследуя. В нем он видит служение богу и скорее готов умереть, чем отказаться от исследования (29 d).

Пока Сократ не отвернулся от поисков внутри себя некоего знания, из-за которого он мог бы быть удостоен звания наимудрейшего, философ находился в безвыходном положении. Отвратившись от своего, Сократ отдал себя дзетесису. Чтобы обратиться, ἐτραλόμην, повернуться к исследованию (корень глагола тот же, что и в слове τρόπος – «поворот», «оборот», «направление»), Сократу надо было, разобравшись со своим знанием, со своим, оставить его, оставшись только тем, кто ничего не знает. Надо было избавиться от своего, чтобы оказаться пустым, таким, которому единственное, что остается, - исследовать чужое знание. Сам он никакой, никто, не этот вот Сократ, а так, пример, παράδειγμα (23 a), для бога, которым тот пользуется, что показать ничтожность человеческого знания.

После того как сходил к политику, поэтам, с теми же мыслями решил он пойти к ремесленникам: «Про себя я знал, что я попросту ничего не знаю» (22 c). «Думают, что сам я мудр в том, относительно чего я отрицаю мудрость другого. А на самом деле [...] мудрым-то оказывается бог, и этим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость стоит немного или вовсе ничего не стоит» (23 a). Эта пустота, формальность (пусть в этом слове читателю слышится «форма») знания – то необходимое, благодаря чему бог может воспользоваться Сократом как примером, благодаря чему жизнь Сократа могла стать служением (так называет философ нескончаемую череду исследований).

Пустота, способная и готовая дать всему место и исследовать, оформлена бессодержательными «знаю, что не знаю», «знаю, что знаю, что не знаю», которые подобны всевмещающим стенкам сосуда. В «Федре» Сократ сравнивает себя с сосудом (23 d). Мелет тоже подтверждает это общее для людей – быть ничем, быть пустым – когда противоречит своим же словам. Но пустота Сократа другая. В отличие от мелетовой она приводит его к доблести.

Обращение Сократа к людям, чтобы разгадать загадку бога, есть следование буквальному смыслу пророчества: «наимудрейший» - среди кого? Легкость и простота этого выхода после длительного пребывания в нужде подтверждает наше предположение о том, что сначала Сократ искал внутри себя.

Благодаря пророчеству Сократ замечает свое место

С помощью пророчества Сократ не просто узнает, но становится наимудрейшим. Помимо этого неожиданного результата философ увидел гораздо больше, чем к тому подвигало пророчество непосредственно. Обратившись к исследованию, Сократ нашел способ (τρόπος), как узнать, претерпеть истину бога. Исследование должно совершаться снова и снова, чтобы Сократу быть собою. И оно превращается в служение – другая находка.

---

⁶ «Потом, собравшись с силами, прибегнул к такому решению вопроса» - в переводе М.С. Соловьева теряются важные понятия.

Почему с помощью мысли «на такую-то малость мудрее» (21 d) политика, Сократ заключает, что он наимудрейший? Само знание, что чем-то малым он мудрее, не есть сам Сократ как наимудрейший. Сократ должен увидеть, оценить это знание как то, что делает его наимудрейшим. Понять разницу между «на такую-то малость мудрее» и «быть наимудрейшим» можно лишь помыслив, что Сократ не просто осознает себя (я мудрее этого человека), но видит и само это осознание, *видит* его место, а тем самым и свое собственное. Сократа, как наимудрейший, как тот, кто знает, что знает, что не знает, как тот, кто имеет исследование и служение богу, замечает свое место. Философ выражается даже более определенно – место в строю (28 d). Он говорит: «Меня поставил сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других» (28 c). Интересно, что благодаря дзетесису Сократ одновременно находит себя, служит богу, служит городу, т.е. сходятся в одно свое, общественное и божественное, человеческое и божественное. Здесь наблюдаем, как третий новоприобретенный Сократом уровень видения, пустое «знаю, что знаю, что не знаю» оборачивается к человеческим делам. Причем не так, что рефлексия освещает Я, которое затмевает собой все другое (Гегель: «Сознание Сократа становится чистой свободой, парящей над каждым определенным содержанием», 2, с. 62), но так, что Сократ видит себя необходимым для счастья и процветания города.

Любопытно, что Гомперц не соглашается с Платоном: «Применение этого изречения [пророчества] в "Апологии" исторически неверно. Оно будто бы было исходным пунктом всей общественной деятельности Сократа. Но разве в Дельфах знали что-нибудь о нем, прежде чем он начал свою деятельность? Только этой деятельности он и обязан своей известностью? В то же время невысказано, чтобы эта весть явилась побудительным мотивом его деятельности» (4, с. 79).

Сократ поставлен богом. Для стояния на своем месте необходима стойкость и самостоятельность. Сократ, провозглашая свою человеческую мудрость, на которую он опирается в самостоянии, противопоставляет ее всякой другой (20 d), нечеловеческой. Мудрец видит: он – пустой сосуд, поставленный богом, чтобы дать место исследованию человеческого знания, которое ничего не стоит. Скромность Сократа не иронична, как считает Кергегор, но подлинная скромность знающего свое место перед богом.

Сократ осуждает и наказывает суд

Философ настаивает на своей человеческой природе

Сократ многократно в ходе апологии настаивает на своей человеческой природе – и не только в том, что касается мудрости. Например, в начале речи: «[...] да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, наподобие юноши, с придуманной речью» (17 c). «Было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои годы и при моем прозвище» (34 a). Сократ отговаривает афинян казнить его, чтобы эта казнь не стала им позором: «Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилась для вас само собой, подумайте о моих годах [...] как близко до смерти» (38 c). Сократ видит причину обвинения отчасти в молодости лет Мелета (27 c). Возраст соотносится со знанием: «Да и говорили они с вами в том возрасте, когда вы больше всего верили на слово, будучи детьми, некоторые же юношами» (18 c). Другой случай: «Ты такой молодой [Мелет], настолько мудрее меня, что тебе уже известно, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а я такой старый, до того невежествен, что не знаю даже [...]» (25 d). В качестве доказательства тому, что он дан городу богом, чтобы будить, уговаривать, Сократ называет упадок своего домашнего хозяйства (31 b).

В самостоянии перед богом и людьми Сократ не покидает человеческое измерение, напротив, обращается к людям и пытается обратить внимание на свою человеческую мудрость и доблесть. Например, говорит, что, если не знает, что такое смерть, то и не

думает, что знает, и никогда поэтому не будет он бояться и избегать того, что может оказаться и благом, более того, что наверняка есть зло (29 b).

Место философа в жизни города

Принимая слова бога и признавая себя наимудрейшим среди людей, Сократ замечает, что его служение богу нужно людям: «Я стараюсь, чтобы вы были счастливыми» (36 e). Человеческое измерение измеряется мудростью Сократа, измеряет и его жизнь: он не отделяет себя от полиса, в котором живет. Сократ говорит, что он дар бога городу, он подобен оводу, будящему ото сна благородную, но ленивую лошадь. Философ говорит, что защищается не для себя, а для города, потому что если убьют его, то принесут большой вред не ему, но себе (30 d). Для Сократа невозможно уйти в изгнание, оставив город – свое место. В этом пафос диалога «Критон».

Так почему же свойственный ему скромный тон Сократ сменяет на гордый и самоуверенный? А.Ф. Лосев говорит: «[...] это был мягкий и обходительный человек, иной раз, может быть, несколько юродствующий, всегда ироничный и насмешливый, но зато всегда добродушнейший и скромнейший. Совсем другое мы видим в платоновской «Апологии». Хотя Сократ здесь и заявляет, что он ничего не знает, ведет он себя, однако, как человек, прекрасно знающий, что такое философия, как человек, уверенный в невежестве и моральной низкопробности своих судей, даже как человек, достаточно гордый и самоуверенный, который не прочь несколько бравировать своей философской свободой, своим бесстрашием перед судом и обществом [...]. Самоуверенный [...] тон Сократа в этом сочинении Платона вполне объясним официальной судебной обстановкой суда, где ему пришлось волей-неволей защищаться. В такой обстановке Сократу никогда не приходилось выступать, почему для него и оказалось необходимым сменить свое обычное добродушие и благожелательность на более твердый и самоуверенный тон» (1, 688-789).

Судебное выражение $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\nu\ \epsilon\iota\lambda\epsilon\acute{\iota}\nu$, которое переводится как «защищать свое дело перед судом» состоит из двух слов, одно из которых означает «говорить», а другое – «право», «справедливость». Сократ знает свое место перед богом: мудр бог, а человеческая мудрость ничего не стоит или стоит малого. Но он знает и свое место перед людьми, ибо среди людей он наимудрейший. На суде, где каждый требует свое право, Сократ требует своего.

Сократ предвидит и направляет ход событий

Одно из проявлений сократовской мудрости – упреждения, предвидение хода событий. «Апология» полна ими, пронизана от начала до конца. Укажем на некоторые: «Слушайте же. И хотя кому-нибудь из вас показалось, что я шучу, будьте уверены, что я говорю сущую правду» (20 e). «И вы не шумите, о мужи афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно» (20 e). «Я намерен сказать вам еще кое-что, от чего вы, наверно, пожелаете кричать, только вы никоим образом этого не делайте» (30 c). «Возможно, что кто-то из вас рассердится, вспомнив о самом себе, как сам он, хотя дело его было и не так важно, как мое, упрашивал и умолял судей с обильными слезами и, чтобы разжалобить, приводил детей и множество других родных и друзей, а вот я ничего такого делать не намерен [...]. Так вот возможно, что, подумав об этом, кто-нибудь не сочтет уже нужным стесняться со мною и, рассердившись, подаст в сердцах свой голос. Думает ли так кто-нибудь из вас в самом деле, я не утверждаю, а если думает [...]» (34 c). Эти упреждения, направляющие внимание в нужную сторону, создают впечатление, что философ полностью владеет ходом событий. Сократ предвидит свою посмертную славу и наказание людей, засудивших его (39 c). По свидетельству Диогена

Лаэргия, афиняне приговорили обвинителей к изгнанию. По свидетельству Диодора – казнили без суда (1, с. 696, прим. 51).

Сократ предвидит смерть как исход суда

«Апология» начинается упреждением против упреждения обвинителей: «Но сколько они ни лгали, больше я удивлялся одному – тому, что они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим ораторским искусством (δεινός λέγειν - буквально «силен говорить») (17 b). Сократ утверждает, что он вовсе не «силен говорить», и на деле изобличит эту ложь. О том же философ скажет после смертного приговора: «Быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать» (38 d). Итак, «на деле», о котором говорится в начале апологии, оказалось – смерть. Смерть как результат суда Сократ предвидел: «Многое, о муже афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что вы меня осудили, между прочим, и то, что это не было для меня неожиданностью» (36 a). В данном случае неточность предвидения лишь подтверждает его: «Что меня касается, то ведь я думал, что буду осужден большим числом голосов» (36 a), - так говорит Сократ после первого голосования. Хотя перевес в пользу обвинителей был небольшой, но Сократ уже проговаривается о смерти, предвидя результат второго голосования: «Мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких» (37 a).

Требование в качестве наказания обедов в Пританее как дерзость и как справедливое вознаграждение

Вслед за обвинительным приговором обвиняемый сам предлагает себе наказание, ἀντιτιπήσομαι⁷. В судебной практике того времени было принято, что обвиняемый не выбирает очень слабое наказание, ибо тогда верх возьмет предложение обвинителей. Сократ же предлагает то, что ему кажется заслуженным, - вознаграждение, обед в Пританее: «Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем [...] я не знаю, хорошо это или дурно?» (37 b).

Стало так, что в суде, имеющем власть наказывать, подсудимый ведет себя как раб, «умоляет со слезами, пытаясь разжалобить» (35 a). Сократ не желает совершать недостойное и призывает суд быть суровее с теми, кто делает подобное (35 b). В самом начале апологии Сократ предупреждает, что он отказывается от всего, что принято в суде: от «речей разнаряженных, украшенных [...] изысканными выражениями» (17 c). Философ говорит, что он не силен говорить, «если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду». Таким образом, Сократ демонстрирует безоружность доблести перед судом и нежелание делать так, как стало принято в суде.

Он не заискивает перед властью, а наоборот, требует справедливого поощрения за многие годы служения. Честность Сократа перед судом состоит в том, что он не утаивает истину, «нескромно» показывает себя таким, каков он есть. Эта честность – доблесть, за нее он должен умереть, только за нее, оказывается, Сократу и можно умереть.

Сократ провоцирует суд приговорить его к смерти

⁷ Слово *ἴσημι* означает честь, почтение, уважение, почесть. С отрицательной приставкой *ἀντι* буквально означает «бесчестье».

С одной стороны, Сократ признает суд, во-первых, потому что серьезен, «нескромно» называет себя наимудрейшим, раскрывает свое место среди людей, во-вторых, потому что совершенно отказывается нарушить решение суда и избежать смертной казни⁸. Но, с другой стороны, решение суда для Сократа будто бы и не закон⁹. Философ предупреждает возможный исход и говорит, если они на этот раз решат отпустить его с тем, чтобы он больше не занимался исследованием и оставил философию, то он все-таки, послушный богу, а не людям, не оставит своего служения богу и будет продолжать дзетесис (30 а). Это сказано до первого голосования, признавшего его виновным. Стоит предположить, что именно эта дерзость побудила дикастерион осудить его.

Сократ предупреждает судей о своем неповиновении ради служения богу. Философ находится в сложной ситуации, когда повиновение богу есть неповиновение суду. Если Сократ скажет суду, что он, повинувшись богу, не послушается суда, то суд должен признать его виновным самым фактом неповиновения. Важно, что, во-первых, решение суда должно быть однозначно карающим, во-вторых, что суд прав в этом решении, иначе он перестает существовать как высшая инстанция, регулирующая полис. Становится более понятным удивление философа по поводу того, что он осужден малым перевесом голосов.

Итак, Сократа не устраивает ни осуждение с запретом на исследование, ни изгнание. Остаются: смерть, полное оправдание, денежный штраф. От денежного штрафа философ отказывается, похоже, не от отсутствия денег (хотя денег нет именно потому, что он всю жизнь служит богу и городу) – с деньгами могли помочь друзья. А потому, что решение суда находится между двумя: смерть – полное оправдание. «Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу» (38 b). С одной стороны, Сократ выдвигает справедливое требование (обеда в Пританее). Удовлетворение его означало бы признание заслуг доблестного мужа перед городом. С другой стороны, старик объявляет о неповиновении, которое обязательно должно быть наказано.

Или вот еще одно противопоставление. С одной стороны, присудить Сократа к смерти – несправедливость, нечестие суда. Предлагая обеда, философ будто бы отвращает суд от нечестия, но на самом деле, провоцирует, судя по отличию результатов второго голосования от первого. С другой стороны, смерть – то, чем Сократ очищается от нечестия дерзости неповиновения. Из этих противопоставлений видно, что самое трудное – решить, хочет ли Сократ больше осуждения или оправдания. Может быть, ему зачем-то нужна его смерть, и он провоцирует?

Сократ просит не присуждать его к смертной казни, чтобы не позорить Афины (38 с); защищаясь, говорит, что делает это не для себя, а ради города (30 d). «Разумеется, он [худший] может убить, изгнать из отечества, отнять все права. Но ведь это он или еще кто-нибудь считает все подобное за великое зло, а я не считаю; гораздо же скорее считаю я злом именно то, что он теперь делает, замышляя несправедливо осудить человека на смерть» (30 d). Т.е. не свою смерть, а несправедливость мудрец считает злом. Смерть касается Сократа, а несправедливость – всего города. Хочет ли Сократ больше всего, чтобы суд не совершил несправедливости?

Последовательность дерзостей такова: перед первым голосованием Сократ говорит о неподчинении решению «не исследовать», а значит, склоняет суд к осуждению, которого не быть не должно. Затем перед вторым голосованием в качестве справедливого решения требует обед в Пританее, но поскольку суд уже склонился к осуждению, то это лишь подхлестывает его. Что, если бы последовательность была другой? Если бы Сократ прежде заявил о своем месте и не говорил до первого голосования о возможном

---

⁸ См. «Критон».

⁹ Вновь виден разрыв между справедливым, доблестным судом и конкретным дикастерионом, принимающим решение по делу Сократа.

неподчинении? Если бы случилось так, что он был бы оправдан и вознагражден, то разве имело бы смысл говорить о неподчинении? На поставленные вопросы точного ответа не видно. Если предположить, что оправдание и вознаграждение невозможно (*casus irrealis*) в суде, куда можно ничтожному Мелету привести доблестного Сократа семидесяти лет, то приобретает ли однозначный смысл предуведомление Сократом суда о неповиновении запрету на исследование? Похоже, что да. Каким образом? Осуждение неизбежно. Дерзость вызывает осуждение, две дерзости – смерть. Смертью Сократ ограждает себя от совершения нечестия перед богом, сам же смерти не боится. В таком случае получается, как и говорит Сократ, что он сам обвиняет и осуждает суд. Итак, упреждение карающего решения демонстрирует осуждение Сократом дикастериона. Опережением философ показывает, что могло бы остаться невидимым без опережения и провокации: доблестный муж не боится смерти, поэтому суд и наказание бессмысленны, абсурдны. Смерть Сократа – несправедливость суда.

Сократ не пожелал запутаться в черте закона и слове бога, разведя их. Мудрец избегает возможности, вынужденности совершить нечестие перед богом и неподчинение закону. Интересно то, что закон человеческого суда у Сократа не расходятся со справедливостью и служением богу.

Доблесть предполагает бесстрашие смерти

Мудрец при столкновении с судом вынужден умереть, ибо только так он может осудить несправедливость. Но зачем Сократ приходит в дикастерион, хотя всю жизнь берегся, берег себя для города? «Будьте уверены, о мужи афиняне, что если бы я попробовал заниматься государственными делами, то уже давно бы погиб и не принес бы пользы ни себе, ни вам [...]» (31 е). «Нет, кто в самом деле ратует за справедливость, тот, если ему и суждено уцелеть на малое время, должен оставаться частным человеком, а вступать на общественное поприще не должен» (32 а). Если смерть предвидел с самого начала («Анит сказал, что или мне вообще не следовало приходить сюда, а уж если пришел, то невозможно не казнить меня» (29 с)), мог не придти на суд, зачем выступил из укромного *ἰδίῳ*? Чего хочет добиться своей смертью мудрец? Одно мы уже выяснили – осуждения суда.

Хотя Сократ всю жизнь берегся, однако и не избегал, когда его призывали: участвовал в войне, в суде. Философ не бежит и этого суда. Что же происходит с дикастерионом, когда доблестный муж несправедливо наказан? Сократ говорит: «Для меня смерть, если не грубо так выразиться, - самое пустое дело» (32 d). Доблесть предполагает презрение к смерти. Верно, что воин, каковым видит себя философ, должен не покидать места в строю и не бояться смерти. Доблестный муж страшится совершить несправедливое или злое гораздо больше, чем смерти (28 с). Но тот, кто нуждается в наказании, должен бояться своего наказания, иначе он ненаказуем и не наказуем. Если наказание не наказывает, то оно перестает быть самим собой и обращается на себя - самоуничтожается.

Рассмотрим ситуации, имеющие между собой некоторое подобие:

1. Сократ говорит, что он не подчинится решению суда, запрещающему исследование. Но природа суда такова, что дерзость неповиновения не может быть не наказана. Поэтому возможное нечестие Сократа – лишь на словах. Это возможность, которая невозможна.
2. Суд не может наказать доблестного мужа. Если приговор провозглашен, то лишь на словах - наказание невозможно.
3. Еще один случай приведен Сократом из Гомера (28 с). Ахилл не может не отомстить за друга. Богиня-мать сообщает ему, если он отомстит, то умрет. Ахилл знает свою судьбу и теперь, кажется, может ее избежать. Но не может.
4. Политик не может узнать, что не мудр.

Нечто, оставаясь собой, «не может не» настолько, что противоположное не может быть. Например, наказание не может не наказывать. Наказание, которое не наказывает, - не наказание. «Не может не быть» и «не может быть» - формальное, бессодержательное. С помощью первого сохраняется самость, с помощью второго - ее границы. Демон Сократа, который только запрещает, действует по принципу «не может быть» (31 d).

Доблесть и наказание, чтобы быть собою, не должны совмещаться. При наличии одного не имеет места другое¹⁰. Метафизически они в разных местах. Знание Сократа, что худший не может навредить лучшему (не может быть), являет свой смысл в том, что доблестного мужа невозможно наказать, ибо он не боится смерти. Наказание саморазрушается.

*Сократ приходит на суд, чтобы восстановить
границу между доблестью и судом-наказанием*

Частная жизнь, ἰδίᾳ, и суд, куда приводят в исключительном случае необходимости наказания, метафизически находятся в разных местах, так же как доблесть и наказание. Если суд, то не частная жизнь. Жизнь отделена от суда доблестью, которая делает их несмешиваемыми. Забота о доблести предполагает защищенность от суда, метафизическое его отсутствие. Сократ говорит: «А вот вам способ самозащиты и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а стараться быть как можно лучше» (39 d). Но суд ведь и всегда рядом, только не тот, который наказывает, κολλάζειν, а тот, который ἰδίᾳ. Вот что Сократ говорит о своей смерти: «Ведь теперь, делая это, вы думаете избавиться давать отчет (ἔλεγχος означает одновременно «исследование» и «судебное следствие») в своей жизни (39 с). Исследование Сократа – суд, который он проводит частным образом в заботе о самом городе, о его доблести.

Доблесть защищена собственным блеском. Эта защищенность доблести собою только и делает наказание виновных возможным. На суде философ многократно повторяет, что ничем кроме доблести он не намерен защищаться. Привод Сократа означает, что нет непроходимой границы между доблестью и судом-наказанием. Теперь когда в суд можно привести просто так, из легкомыслия, а избавиться от наказания можно с помощью денег, приход Сократа в дикастерион – заявление «А я пришел сюда не просто так». Не принять вызов на суд означало бы скрываться, скрывать блеск доблести, на котором все и держится. И Сократ подчеркивает - «если не я, то кто же» (34 e).

Когда Сократ говорит на суде о бесстрашии смерти, он не пытается разрушить этим суд, будучи «бесконечной субъективностью, свободой самосознания», по определению Гегеля (3, с. 35). Но показывает, что нужно оберегать черту между доблестью и наказанием. Сократ не просто осуждает суд, но приходит для того, чтобы восстановить эту черту.

Сократ приходит на суд, не приготовив речи¹¹, и обращается к обвинителю: «Скажи-ка ты вот этим людям, кто именно делает молодых лучше» (24 d). Будучи не согласен с обвинением, он принимает его: «Развратителя ты нашел, как говоришь [...]» (24 d). Именно это принятие позволило найти вопрос, который изобличит Мелета: «Скажи, кто делает их лучше?» То же было и с пророчеством, ибо, не соглашаясь, но принимая, Сократ пытается разгадать. Однако прежде чем так принять, не соглашаясь, он спрашивает: «Не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?» «Конечно». Сократ выясняет, в одну ли сторону они смотрят с Мелетом. Мудрец смотрит на доблесть, и поэтому сам есть устремление в двух смыслах: ничего больше в

¹⁰ Как в формальном «если а, то не в». Действие формального, а лучше сказать, вмещающего мы наблюдаем в «Апологии» второй раз.

¹¹ О неподготовленности речи - по свидетельству Диогена Лаэртция (2, 40) Сократ отказался от речи, написанной для него Лисием, и сам не заготовливал, чему его демон не препятствовал (31 d).

Сократе помимо этого устремления нет; Сократ сам есть лишь благодаря этому стремлению. Он есть, будучи стремлением, он бытийствует стремлением.

Сократ заботится о молодых, стремясь быть как можно лучше, и в силу этой устремленности он открыт для всякого суда. Философ весь занят стремлением, поэтому ничто другое не может найти в нем места. Сократ не отвергает обвинение, допускает до себя, но обвинение само не может войти в открытого для суда Сократа. Это и есть единственный способ разобраться с ложным обвинением. Важно, что претерпеванием обвинения не только Сократ оказывается сам для себя невиновен и может его отбросить, но важно, что обвинение, не найдя себе места, показывает свое небытие. Не Сократ отказывает ему в бытии, а оно само проваливается. Важность этого становится тем более очевидна, когда мы говорим о суде.

От Гегеля пошло обвинение Сократа в революционности, разрушающей старое. Действительно, доблесть не может признать несправедливый суд - это грозит городу опасным смещением, стиранию черты между доблестью и наказанием. Но не Сократ разрушает суд, а суд саморазрушается. Суд и обвинение – круг, ибо обвинение и есть уже осуждение, осуждение случилось раньше, чем приняло вид обвинения, и суд есть лишь потому, что есть осуждение. Не так, что Сократ входит в этот круг и разрывает его. Разорвать круг значило бы своей волей отказать чему-то в бытии (например, если бы Сократ проигнорировал суд или, придя, заявил, что отказывается быть судимым по несправедливому обвинению наглеца). Отказать чему-либо в бытии Сократ не может, будучи мудр человеческой мудростью, как не отказывает мудрости натурфилософов и софистов, не отказывается от общественных дел, когда его призывают. Но он также имеет право быть самим собой. Поэтому, ни от чего не отказываясь, ничему не отказывая, он претерпевает. Если в результате суд разрушается, то о Сократе можно сказать не больше, чем то, что он кем-то поставленный на свое место, стоял, и из этого что-то вышло, не по воле, а по сути вещей. Интересно, как размыкаются круги перед смотрящим на доблесть. Гегель же противопоставляет мудреца городу как зарождающуюся субъективность, которая настаивает на своей свободе: «Дух же этого народа, взятый в себе, его государственный строй, вся его жизнь покоилась на нравственности, на религии и не могли существовать без этого само в себе и для себя незыблемого. Следовательно, так как Сократ перенес истину в решение внутреннего сознания, то он вступил в антагонизм к тому, что признавал правым и истинным афинский народ» (2, с. 69). «Положение, что индивидуум должен заботиться о своей нравственности, означает, что он становится моральным, означает отказ от общественных нравов и воцарение морали» (2, с. 55). «Сократ сознал тот факт, что реальность нравственности в народном духе расшаталась. Он потому стоит так высоко, что выразил именно то, для чего назрело время. Сознав это, он поднял нравственность на высоту правильного усмотрения; но сутью его деяния является осознание того, что мощь понятия упраздняет определенное бытие и непосредственную значимость нравственных законов, святость их в себе бытия» (2, с. 59)

А Кергегор обвиняет Сократа, видя в его поступках негативное отношение к реальности, отсутствию отношений с государством: «To advice in private-manifestation of the daimonic's negative relation to Socrates, this caused him to relate himself negatively to actuality, or in Greek sense to state [...]. He did not have any relation to the state, so nothing may be predicated of his entire life and work from the standpoint of the state (6, с. 188, 203)¹².

Сократ берет на себя право судить суд. Делая это с полным осознанием и ответственностью, ибо заранее знает о смерти и, более того, самой смертью осуждает суд. Откуда это право? Из глубин сознания ради защиты субъективности, которой угрожает устаревшая мораль мифологического мышления города, как считает Гегель? Сократ рискует взять право осуждения суда своей смертью потому, что он наимудрейший, и этим

---

¹² "Отрицательные советы демона, являющегося Сократу, - это заставило его негативно относиться к действительности, или, в греческом понимании, к государству [...]. У него не было никаких отношений с государством, поэтому о всей его жизни и труде ничего не может быть сказано с точки зрения государства".

осуждением осуществляет заботу о городе и о себе. В чем заключается забота о себе (которая не то же, что защита субъективности)?

Тождество самости и доблести

Проблема знания

Знание Сократ обозначает с помощью разных слов. Например – οἴδα, εἰδέναι. О смерти: «Я не знаю, εἰδέναι, хорошо это или плохо» (37 b, 29 b). Философ употребляет также слово ἐπίσταμαι (19 с, 20 с). Сократ не имеет такого искусства наставлять воспитанников, не знает, ἐπίσταμαι. После того, как Сократ побывал у политика и поэтов, он все-таки не сознавал себя знающим, ἐμαυτῷ γὰρ ξυνήδεν οὐδὲν ἐπισταμένῳ (22 с). Сократ говорит Мелету, что нуждается не в наказании, а в научении, μαθήσεως: «Потому [...] что, уразумевши, μάθω, я перестану делать то, что делаю ненамеренно» (26 a). Встречается и слово с этим же корнем, но с отрицательным значением: исследовав политика, поэтов, ремесленников, Сократ заключает, что он предпочитает оставаться так, как есть, не будучи ни мудрым, σοφός, их мудростью, ни невежественным, ἀμαθής, их невежеством (22 a). Таким образом, о знании Сократ говорит, употребляя слова: οἴδα, εἰδέναι, ἐπίσταμαι, σοφός, ἀμαθής, ἀγνοῶ (25 в).

В истории философии существует большая проблема со «знанием» Сократа: как можно ничего не знать, если он знает хотя бы то, что не знает, во-вторых, чтобы признать незнание как незнание, нужно прежде знать, что такое знание. Основываясь на этих двух заключениях, Кергегор считает формулу «знаю, что ничего не знаю» ироничной.

Заметим, что, противопоставляя знание и незнание, Сократ использует разнокоренные слова. Используя ξύνοιδα, он отрицает знание, выражаемое глаголом ἐπίσταμαι, и собственную мудрость, σοφός (οὔτε μέγα οὔτε σμικρὸν ἐμαυτῷ σοφός ὢν, «нимало не сознаю себя мудрым» (21 b)). Когда употребляет οἶομαι, то отрицает знание, выражаемое οἴδα (ὥσπερ οὖν οὐκ οἴδα, οὐδὲ οἶομαι, «коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю» (21 d)). Использование разных слов не дает формулы, замкнутой на одном понятии, с которой было бы легко обойтись историку философии.

Сократ отвергает старые обвинения. Они заключаются в том, что обычно приписывали философам:

- «тщетно испытую то, что под землей, и то, что в небесах» (19 b);

- «слабое слово делает сильным»¹³, τὸν ἔττω λόγον κρείττω ποιῶν.

Обвинители, которых «не узнаешь и не назовешь» (18 d) смешали натурфилософов и софистов. Сократ отрицает свою причастность этим видам знания: «Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости в подобных вещах, [...] а только ведь это [...] нисколько меня не касается» (19 с). И противопоставляет своё: «Какая же это такая мудрость? Да уж, должно быть, человеческая мудрость. Этой мудростью я, пожалуй, в самом деле мудр; а те, о которых я сейчас говорил, мудры или сверхчеловеческой мудростью, или я уж и не знаю, как и сказать; что же меня касается, то я, конечно, этой мудрости не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжец и говорит это для того, чтобы оклеветать меня» (20 d). Во всех этих даже избыточных высказываниях есть решительный жест отказа.

Сократ не знает ни то, что под землей, ни то, что в небе. Он замыкается в своем человеческом незнании, отказываясь оценить эту «сверхчеловеческую мудрость». Она его даже не касается, ἐνοὶ τοῦτων οὐδὲν μέτεστιν (20 е). Но вслед за этими речами обвиняемый напомним: бог в Дельфах говорит, что Сократ – наимудрейший.

Однако есть и то, что Сократ знает, впрочем, как и все люди:

¹³ Перевод М.С.Соловьева - "выдает ложь за правду".

- А вот, Мелет, скажи нам еще: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые – какого-нибудь добра?

- Конечно.

- Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получить от ближних вред, чем пользу? Существует ли кто-нибудь, кто пожелал бы получить вред?

- Конечно, нет.

- ...Ты, такой молодой, настолько мудрее меня, что тебе уже известно, ἔγνωνας, что злые причиняют своим ближним какое-нибудь зло, а добрые – добро, а я, такой старый, до того невежественен, ἀμαθίας, что не знаю, ἄγνοω, даже, что если кого-нибудь из близких сделаю негодным, то должен опасаться от него какого-нибудь зла, и вот такое-то великое зло я добровольно на себя навлекаю» (25 с-d).

Другие примеры: «А что нарушать закон и не слушаться того, кто лучше меня, будь то бог или человек, нехорошо и постыдно – это вот я знаю, οὐκ οἶδα (29 b). «Мне-то ведь не будет никакого вреда ни от Мелета, ни от Анита, да они и не могут мне навредить, потому что я не думаю, οἴομαι, чтобы худшему было позволено навредить лучшему» (30 с), - в этом предложении категоричность высказывания приравнивает «думаю» к «знаю». «Уж если что принимаю за верное, ἀληθές (точнее перевести - «истинное»), так это то, что с человеком хорошим не бывает ничего дурного ни при жизни, ни после смерти и что боги не перестают заботиться о его делах» (41 d). «Но не самое ли это позорное невежество, ἀμαθίας, - думать, что знаешь то, чего не знаешь, οὐκ δέν» (29 b).

Незнание есть незнание арете

Из «Апологии» можно понять, что знанием среди людей обладают ремесленники и наездники, которые улучшают породу животных. Высказываясь о наставниках юношей и сравнивая их с наездниками, Сократ говорит, что не имеет такого искусства, τέχνη (20 с). Словом τέχνη Сократ сближает ремесленников, χειροτέχνης (буквально «искусных руками»), наездников, воспитателей. Ремесленник создает вещь. О наезднике Сократ говорит, что он делает арете лошади прекрасным: ἀντὼ καλῶ τὴν κάγαθὴν ποιήσειν τὴν προσήκουσαν ἄρετήν (перевод М.С. Соловьёва: «усовершенствовал присущую им породу (ἄρετήν)») (20 b). Итак, знание есть знание арете. О себе же философ заявляет, что он не знает. Чего не знает – добротности (арете) ли чаши, чтобы сделать чашу чашей, хорошей чашей? Или он не знает, как сделать, зная при этом, какой она должна быть, зная арете? Либо же не знает ни того, ни другого?

Сократ, можно сказать, тоже был создан знанием бога. Философ слышит истину бога о себе и становится благодаря ей самим собой. Но и после того, как истина стала самим Сократом, он не знает, не сознает себя мудрым (22 с). Сократ признает справедливость божественного знания, осознав «этим-то малым я мудрее». Мы уже говорили, что быть мудрее не то же, что быть наимудрейшим. Чтобы они совпали, надо осмотреться, увидеть себя среди людей и подумать, что, наверно, бог имел в виду это малое. Сократ знает лишь то, что он мудрее политика, и соглашается с богом, которому виднее, кто – наимудрейший из людей. Не так, что Сократ знает самого себя, знает, что он наимудрейший. Сократ знает лишь то, что претерпел, - он мудрее. После смертного приговора, после «гордых» речей о себе, как даре бога городу, Сократ все-таки говорит: «Конечно, кто пожелает вас хулить, будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так» (38 с). Самость, арете, Сократа – наимудрейший – дает ему возможность быть мудрее политика. Сам Сократ как наимудрейший есть независимо от политика, но видно это становится лишь через пребывание рядом с политиком. Сократу не видна его арете (наимудрейший), а видно лишь, что он мудрее. Сократ знает лишь то, что касается пребывания, и не знает арете, самости. Если вернуться теперь к высказываниям, выражающим знание философа, то становится видно, что все они касаются пребывания

одного рядом с другим, например, худшего и лучшего. (Исключение – высшая человеческая мудрость не думать, что знаешь, чего не знаешь).

Можно спросить, откуда Сократ узнал, что нельзя знать самость, арете? Наверное, своей человеческой мудростью, когда, согласившись с богом, признал, что быть мудрее вот этим малым, значит быть наимудрейшим. Но тут же и узнал, что сам себя он все равно не знает, не сознает себя наимудрейшим. Это научило его стараться узнавать нечто, лишь наблюдая пребывание одного подле другого. «Каждый раз думают, что сам я мудр в том, относительно чего отрицаю мудрость другого»... - говорит Сократ, высказываясь о ничтожности человеческой мудрости, не из ложной скромности или иронии (23 а).

Легкость изменения направления взгляда, обращения внимания нужна, чтобы узнавать нечто, судя по тому, как оно пребывает рядом с другим, поскольку человеческое – не знать вещь саму по себе. В попытке узнать само теряется легкость изменения направления внимания от одного к другому. А обратить внимание очень трудно, если не признать, что ничего в совершенстве не знаешь. Подтверждение тому – политик.

Самость, доблесть и стремление быть как можно лучше

Сократ знает и убеждает других «заботиться раньше и сильнее [...] не о телах ваших или о деньгах, но о душе (ψυχή), чтобы она была как можно лучше: не от денег рождается доблесть, а от доблести бывают у людей деньги и все прочие блага», ἐπιμελείσθαι [...] τῆς ψυχῆς ὅπως ὡς ἀρίστη ἔσται (30 b)¹⁴. Как и в отношении города, философ призывает не заботиться о своем раньше, чем о себе. Или, в другом месте: «а самим стараться быть как можно лучше», ἑαυτὸν παρασκευάζειν ὅπως ᾖσται ὡς βέλτιστος (30 d). Иначе говоря, Сократ отождествляет самость (душу) и арете. Быть собою значит стараться быть как можно лучше, в наибольшей степени соответствовать арете. В свою очередь, арете – полнота бытия самим собой. Круг замкнулся, арете, самость, быть как можно лучше – одно и то же¹⁵.

Сделаем предположение, что этой троице соответствуют Порос, Пеня и Эрос, о которых рассказывает Сократ в «Пире» Платона. Самость – Пеня, нищета, всевещающая пустота, «знаю, что ничего не знаю». Доблесть – Порос, богатство, блеск которого заставляет к нему стремиться. Нищета самости, очистившаяся с помощью «знаю, что ничего не знаю», нужна, чтобы ничто не заслоняло блеск богатства. Эрос – стремление, то, что соединяет самость и доблесть, бедность и богатство. Стремление – бытие самости, бывание собой. Доблесть и самость - что это такое? Сократ не знает, но это не мешает тому, чтобы бедность была привлекаема блеском богатства. Не мешает заботиться.

А вот как трактует Сократа Аристотель в «Большой этике»: «Потом пришел Сократ и говорил о добродетелях, ἀρετή, лучше и полнее, однако, тоже неверно. А именно он приравнивал добродетели к знаниям, ἐπιστήμας, но это невозможно. Дело в том, что все знания связаны с суждением, μετὰ λόγου, суждение же возникает в мыслящей части души, так что если верить Сократу, все добродетели возникают в разумной, λογιστικῆ, части души. Получается, что отождествляя добродетели с науками, Сократ упраздняет внеразумную часть души, а вместе с нею и страсть, и нрав» (7, с. 297).

Если доблесть для Сократа - знание, странно, что философ всю жизнь посвятил испытанию человеческого незнания, тем более что результат диалогов, по словам Гегеля, «оказывается отчасти совершенно формальным и отрицательным» (2, с. 50). В «Апологии» Сократ говорит, что он не знает того, в незнании чего уличает другого (23 а). Если бы доблесть была знанием, то Сократ мог бы быть чьим-либо воспитателем, но он

¹⁴ То же – 29 d.

¹⁵ Единство всех видов доблести объясняется стремлением быть как можно лучше. Стремясь к арете, Сократ в одной ситуации честен, в другой мудр.

отказывается и говорит, что никому никогда не передавал никакого знания (33 б), а занимался тем, что уговаривал и убеждал – заботился.

Единство нищеты и стремления

Выявить незнание нужно, чтобы в нищете обратиться к блеску богатства. Самое трудное – обратиться, чтобы увидеть этот блеск. Не так, что можно знать, что хорошо, что плохо, а делать, как хочется. Но так, что арете сама заставляет стремиться. Не так, что, узнав «худший не навредит лучшему», человек избирает стремиться к лучшему. Но так, что после того, как удалось увидеть блеск, человек замечает – худший не может навредить лучшему. Действительно, «худший не навредит лучшему» – знание, но оно возникает после того, как душа, еще не разделенная на λόγος и ἄλογον, устремляется.

По словам философа, невольное зло нуждается в научении, матесисе, а не в наказании (26 а). Значит, ли это, что доблесть, этика тождественна знанию? Сократ говорит о своей мудрости как противоположности самому позорному невежеству, ἀμαθία, – «думать, что знаешь то, чего не знаешь» (29 б). Можно ли ей научиться и научить?

Аристотель говорит в «Никомаховой этике»: «Сократ думал, что доблесть (арете – Л.К.) – это [верные] суждения (logoi), (потому что, [по его мнению], все они представляют собой знания)» (7, с. 189). Таким понимание Сократа остается и в наше время. Например, Ф.Х. Кессиди: «Этическое знание у Сократа носит всеобъемлющий характер; оно есть знание того, что составляет счастье и определяет правильный выбор линии поведения и образа деятельности вообще для его достижения». Кессиди возражает вслед за Аристотелем: «Да и для кого не было (и не остается очевидным), что знание лучшего отнюдь не обязательно влечет за собой выбор лучшего?» (8, с. 120, 118). Этим возражением опровергается позиция разумного эгоизма. Вряд ли можно считать Сократа его основоположником.

Сократ признает необходимость матесиса, но при этом отказывается называться чьим-либо учителем, διδάσκαλος (33 а). Никто не может считаться его учеником, μαθητής: «И за то, хороши ли эти люди или дурны, я по справедливости не могу отвечать, потому что никого из них никогда никакой науке, μάθημα, я не учил, ἐδίδαξα, и не обещал научить» (33 б). Отказываясь быть учителем, Сократ, однако, всю жизнь уговаривал, убеждал заботиться о доблести, о самом себе. Другое занятие, которому он посвятил жизнь – исследование человеческого незнания. Как связаны между собой исследование и убеждение, а иначе говоря, знание и забота? Почему Сократ считал, что их достаточно, чтобы сделать людей счастливыми? А он претендовал именно на это (36 е).

Вернемся к ситуации пророчества. Кажется, что философ имеет полное право, приняв известие, радостно успокоиться. Но Сократ, сознавая нищету, честен перед собой, поэтому ищет исследования пророчества. Почему принятие божественного слова не стало полным согласием с ним? Честное сознание нищеты – напряжение, ослабить которое не могло даже принятие божественного слова. Пользуясь высказыванием самого философа, назовем это стремлением быть как можно лучше. Вернее, стремление не причина честности, но то, что переносит, соединяет Нищету и Богатство, когда самость и доблесть сливаются в поступке честности, бывании честным. Сократ как бы и не сам, а сама честность. «Боюсь ли я или не боюсь смерти, это мы теперь оставим, но для чести моей и вашей, для чести всего города [...] было бы нехорошо, если бы я стал делать что-нибудь такое в мои года и при том прозвище» (34 е). Иными словами, не важно, страшно ли самому Сократу, потому что в этот момент он воплощает собой честь.

Сократ честен перед собой и сознает свою нищету. Что раньше: честность или сознание нищеты? Стремясь быть как можно лучше, человек узнает, что его природа такова – он неизбежно беден. Или же так, что стремление быть лучше не возникает иначе как из сознания нищеты и ничтожности? Похоже, что бедность и стремление держатся друг другом, образуя динамичный покой, равновесие непрерывно действующих, двух

энергий. Можно возразить: бедность, точнее, сознание нищеты – мысль, а стремление – неразумное. Если понимать стремление, точнее, стремление к непознаваемой доблести как внимание, то единство бедности и стремления не кажется невозможным. Здесь действительно обнаруживаем общее между этикой и знанием, ибо есть знание нищеты, которое противоположно самому позорному невежеству и находится в единстве со стремлением-вниманием.

Факт этого единства демонстрирует и ситуация с политиком. Сократ сообщает ему, что немудр, но политик не хочет посмотреть, что немудр. Сократ дарит половинку единства, знание нищеты, но политик не способен принять дара, в нем нет стремления узнать справедливость слов Сократа, политик с ненавистью их отбрасывает, найдя в себе такое право. Пусть политик не знал, что он ничтожен, но после того как это сообщено, честно ли отказываться посмотреть? Так ли: если не честность, то сразу и нечестность? Отсутствие у политика своего знания, сознания нищеты освобождает ли от ответственности за поступок отбрасывания? Ведь это несчастье политика, что он не имеет стремления узнать (=стремления быть как можно лучше) и не сознает нищету.

Политик не сознает нищету, потому не имеет стремления к доблести. Нет стремления, потому не рождается честности перед собою, ответственности перед другими. Получается, что политик кругом прав, ибо лишен самопорождающегося единства. Но если самость политика не составляют бедность и стремление, то что же такое он сам? Политик не просто лишен нищеты-стремления, он совершает поступок отказа. Нищета же умеет, однако, не отказать, дает бытие поступку честности, ею держится стремление.

Может, политик был бы прав своею правотой лишенного, если бы не оказался в мире, в котором нельзя не отвечать, пребывая рядом с другими. Когда другое вызывает к ответу, отрицательный ответ – тоже ответ. Политик выискивает в самом себе право отказать и в силу этого ответственен. Пусть он невиновен, что лишен нищеты-стремления (и, наверно, не знает о лишенности), благодаря которым не совершил бы нечестности. Но он виноват, поскольку взял право и совершил поступок – сам стал нечестным.

Случай с политиком показал, что воспитать, научить невозможно¹⁶: политик отказывается от подаренного Сократом знания о нищете, так же, как город отказывается от мудреца, дара бога городу. Ответом на поставленный выше вопрос, как связаны между собой исследование и убеждение, знание и забота, может служить то, что эти пары соответствуют по смыслу паре нищета-стремление.

Тожество самости и доблести осуществляется в поступке

Для чего нужны нищета-стремление, каково их отношение к самости? Эти два вопроса – одно. Нищета и стремление необходимы для осуществления самости и доблести в доблестном поступке. Самость Сократа, его доблесть (наимудрейший) есть полнота его бытия, которая являет себя, делает себя видной в исследовании. В момент осознания себя мудрее осуществляется бывание Сократа собой, тождество самости и доблести. Только в этот момент Сократ есть сам. В доблестном поступке самость такова, что она сама доблесть. Т.е. самость и доблесть составляют самодостаточное взаимопорождающее единство, подобно как бедность и стремление. Рождение должно совершаться снова и снова, чтобы одному быть через другое. Здесь кроется причина нескончаемой череды дзетесисов.

Почему сознание Сократом себя мудрее политика есть поступок, тождество самости и доблести? С помощью знания «мудрее, чем политик», в ситуации испытания пророчества Сократ не только сознает себя, но становится собою. Уходя от политика, Сократ думает, что тем-то малым мудрее. Почему быть мудрее означает быть

¹⁶ Вероятно, именно поэтому философ отказывает называться чьим-либо учителем.

наимудрейшим? Чтобы они сравнялись, Сократ должен найти «быть мудрее» как то, что имеет наимудрейший из людей, полагаясь на бога. Важно, что, сознавая себя мудрее политика, Сократ не успокаивается, не останавливается на осознании. Он устремляет свою мысль к божественному знанию «Сократ – наимудрейший». Этот скачок мысли есть поступок, в результате которого осознание перестает быть просто осознанием, но становится знанием своего места. Устремляя мысль от «мудрее политика» к «наимудрейший», философ делает это не для себя, потому что для себя он мог успокоиться на осознании. Сократ стремится к божественному знанию, оторвавшись от сознания, и благодаря этому стремлению-прыжку замечает свое место. Этот скачок есть становление Сократа наимудрейшим, тождество самости и доблести.

Будучи наимудрейшим, пребывая собою, Сократ не осознает себя мудрым; если бы осознавал себя, то сразу и перестал быть таковым. Во-первых, потому что утратил бы нищету-стремление (которые, следовательно, не должны прекращать свою деятельность и во время совершения доблестного поступка, осуществления тождества самости и доблести). Во-вторых, потому что сознание заменит собою ту деятельность, поступок, через который самость совпадает с доблестью. Сознание – другое, несовместимое с быванием собой.

Забота о себе

Для чего бог сообщил Сократу знание самости? Не для сознания, но для скачка, становления самим собой, самой доблестью. Сознание не касается сферы самости-доблести, но - сферы нищеты-стремления. Сократ не воспитывает и не учит, ибо доблесть непознаваема в двух смыслах: непознаваема сама по себе и несознаваема тем, кто – сама доблесть. Но и без осознания доблесть присутствует благодаря поступку – необходимо же стремление и сознание нищеты. Сократ уговорами пытается вызвать это стремление, проводит исследование незнания, прельщает, говоря, что от доблести бывают у людей деньги и все прочие блага, а не наоборот (30 b).

Сократ призывает заботиться о себе. Что это значит? М. Фуко так, например, понимает: «Забота о себе подразумевает переключение взгляда, перенесение его с внешнего, окружающего мира, с других и т.д. на самого себя. Забота о себе предполагает своего рода наблюдение за тем, что ты думаешь и что происходит внутри твоей мысли. [...] Также всегда означает определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе, а именно, действие, которым он проявляет заботу о самом себе, изменяет, очищает, преобразует и преображает себя» (9, с. 285). Самость, как мы выяснили, существует лишь в моменты пребывания самой доблестью в поступке, поэтому заботиться о самом себе значит быть собою, совершать доблестный поступок. Сознание и очищение с помощью сознания, о которых говорит М. Фуко, принадлежат сфере нищеты-стремления, а не сфере самости-доблести. Пожалуй, не согласимся и с требованием интроспекции, перенесения взгляда с внешнего мира на себя, во-первых, потому что самость есть сама доблесть, поэтому деление на внешнее-внутреннее проблематично; во-вторых, потому что самость есть только через поступок, а он требует внимания к вещам, которые его вызывают. Поскольку самость как бы и не сама, а доблесть, не согласимся и с тем, что забота о себе – определенный образ действий субъекта по отношению к самому себе.

Проявленная Сократом честность к себе в ситуации с пророчеством показала, что Сократу изначально присущи нищета-стремление. Он имел некую самость и до пророчества, например, через поступок честности. Но благодаря пророчеству Сократ изменился, превзошел себя. Самость может изменяться, улучшаться, становясь подлинно собой, наилучшей. Тождество самости-доблести осуществляется не только через поступок, но и благодаря ему: не только стремление создает поступок, но и в другом

направлении – поступок создает самость. Возможно, надеясь на эту изменчивость самости, Сократ не устает уговаривать, убеждать.

*Доблесть как логическое начало и конец
бытия Сократа*

Сократ начинает апологию, высказываясь по поводу лжи, что он силен говорить: «Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл» (17 а). «Подействовали обвинители» - перевод слова *τετόνθατε*, буквально «что вы претерпели от обвинителей». Но почему Сократ не боится забыть себя, когда, следуя Мелету, противоречит себе и различен на словах и на деле? Почему из всех возможных способов защиты против Мелета Сократ выбирает один – следования? Нельзя ли использовать другой способ, который не оставлял бы возможности заблуждаться по поводу доблести Сократа?

Мы выяснили: философ совершенно точен в своей защите-обвинении, а суд – место, где нет времени для поиска и ошибок, где время всей жизни взвешивается малым временем суда¹⁷. Но Сократ успевает не только защитить себя, но и разоблачить обвинителя. Философ не дает ему скрыться за общим, когда обвинение говорит за обвинителя, а сам обвинитель со всем своим в тени. Следуя дикастериону по части формы, Сократ и суд заставляет следовать себе. Философ приходит сюда ради восстановления границы между доблестью и наказанием, принуждая суд следовать себе дерзостями и собственной смертью. Совершая поступок, отдавая жизнь, силы, ум, Сократ пребывает так, что не вполне сам - он сама доблесть, служение, дело, поступок. Вопрос о том, имеет ли Сократ право провоцировать суд, говорить дерзости, разрушать смысл суда заявлением о бесстрашии перед смертью, прав ли он, давая возможность заблуждаться по своему поводу, ибо, следуя, противоречит себе и разнится на словах и на деле, этот вопрос отпадает, ибо Сократ не сам, а дело. Вопрос не в том, имеет ли Сократ право заставлять следовать, без чего нельзя вызвать на ответ, на дело. Но вопрос в том, почему Сократ выбирает следовать, решается на дело?

Можно ли из этих слов Сократа (25 d) заключить, что он основоположник разумного эгоизма или здесь что-то другое?

- А вот, Мелет, скажи нам еще: что приятнее, жить ли с хорошими гражданами или с дурными? Не причиняют ли дурные какого-нибудь зла тем, которые всегда с ними в самых близких отношениях, а добрые – добра?

- Конечно.

- Так найдется ли кто-нибудь, кто желал бы скорее получить от ближних вред, чем пользу? [...] Существует ли кто-нибудь, кто желал бы получить вред?

- Конечно, нет.

Само по себе это знание безразлично к этике, оно о том, каким образом человек пребывает подле другого человека. Это знание может вызывать стремление быть как можно лучше, чтобы не получать зла. Но раньше должно случиться осознание себя среди других, стремление пребывать рядом с другими. Следовательно, выбор находится не между добром и злом, но между: пребывать ли рядом с другими, являя себя каким-то определенным образом, или не пребывать.

Есть доблесть, которая в начале (наимудрейший). Она раньше Сократа, отдельно и независимо от него. Обладание своей собственной доблестью возможно лишь тогда, когда Сократ пребывает самой доблестью, дает ей быть через себя в поступке философа, гражданина полиса. Итак, доблесть как логическое начала и логический конец бытия философа – вот то, что принуждает Сократа выбирать бытие, пребывание.

---

¹⁷ «Если бы у вас [...] существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких» - дает Сократ совет суду (37 а).

«Разумный эгоизм» есть на самом деле служение другому, чтобы быть собою. Пребывание есть следование. Нужно оберегать другое в его доблести, чтобы в следовании другому оберегалась собственная самость. Забота о себе нужна, чтобы самость другого тоже не была повреждена неизбежным следованием. Сократ боится нравственной порчи больше, чем смерти, ибо в первой есть угроза самости (39 b).

Неопределенность смерти не мешает определенности поступка философа: «И теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели остаться живым, защищаясь иначе» (38 e). А вот нерешенность загадки бога Сократ не может обойти. Эта противоположность отношений к двум неопределенностям говорит за то, что Сократ принадлежит не себе, но требованиям, на которые он не может не отвечать, не следовать, давая собою, своим бытием место самой доблести. Однозначно - Ахилл не может не отомстить за Патрокла. Но раньше этого вопрос: почему Ахилл не может не ответить, не может не отозваться на вызов.

Во многих вещах наблюдаем у Сократа ограничение чем-то одним. Например, в начале апологии Сократ заявляет, что будет разговаривать на собственном языке чужака, своим способом, оборотом, τὸν τρόπον τῆς λέξεως (18 a). Сократ отворачивается от сверхчеловеческой мудрости натурфилософии, чтобы обратиться, ἐτραπόμην, к человеческой. Благодаря пребыванию и упреждению Сократ направляет ход событий в определенную, одну сторону. Обеспечивая себя по части судебной формы, «справедливое говорю справедливо», Сократ собирает внимание, чтобы все смотрели в одну сторону - исключительно на саму справедливость речей. Однозначно: никто не хочет зла, дурные причиняют зло, добрые – добро. Однозначен поступок и тех, кто лишен нищеты-стремления (политик не может узнать, что немудр). Ахилл не может не отомстить за друга – опять-таки один оборот событий, лишь один исход. Пребывание одного подле другого раскрывает место, в котором все видно благодаря однозначности. Однозначность выбирают, выбирая пребывание рядом с другими, принужденные доблестью и конечностью.

Обращенность лишь в одну сторону и совершение определенного поступка не мешает самости в раскрывшемся пространстве быть повернутой ко всем вещам мира. Так, исследование пророчество означает в то же время исследование людей, а служение богу является служением городу; тогда как осуждение Мелета есть осуждение суда, осуждение же суда - служение богу и городу. Сократ, обратившись глядеть на саму доблесть, умеет в то же время иметь дело с неправым судом, т.е. с самим судом, который не сам. Мало того, что философ не отказывается придти на несправедливый суд, подчиняясь закону¹⁸, он дарит ему бытие, восстанавливает его арете. Пребывание Сократа таково, что он делом, поступком дарит другому подлинное бытие. Следовать, не следуя, давать место, будучи открытым для всего, иметь дело с самими вещами Сократ может, умеет благодаря вмещающий широте видения – знаю, что знаю, что не знаю. Итак, мы выяснили причину необычного тона Сократа: философ заявляет о своем месте перед людьми. Приход Сократа на суд не случаен. Своей смертью он осуждает несправедливый суд, восстанавливая черту между доблестью и наказанием.

Литература

1. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М., 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 10. М., 1932.
3. Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992.
4. Гомперц М. Греческие мыслители. Т. 2. Спб., 1913.

¹⁸ И категорически отказывается бежать («Критон»).

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. М. 2. М., 1986.
6. Kierkegaard S. The concept of irony: with constant reference to Socrates. L., 1971.
7. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984.
8. Кессиди Ф.Х. Сократ. М., Мысль, 1988.
9. Фуко. Герменевтика субъекта. // Социологос. М., 1991.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969.